

Е. А. Кожемякин

Кафедра языка и стиля массовых коммуникаций
Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308000, Россия
E-mail: dva@bel.ru

ДИСКУРСНАЯ МАТРИЦА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема исследования институциональных культур и свойственных им дискурсов имеет несколько аспектов.

Во-первых, в современном научном знании, так или иначе затрагивающем дискурсивную проблематику, до сих пор не выработано общего, устраивающего всех определения как культуры, так и дискурса, не построено единой модели дискурса, не сформированы общие взгляды на условия и цели применения дискурс-анализа. И тем не менее, несмотря на подобную методологическую неоднозначность, дискурсивные исследования приобретают значимый академический статус, их результаты широко используются в научном и общественном контекстах.

Во-вторых, существует высокая потребность в изучении совместимости различных институциональных дискурсов (особенно в контексте «оптимизации общественных институтов», в том числе и в контексте демократизации политики). К сожалению, за исключением результатов работы некоторых исследовательских групп (например, зарубежные журналы «Discourse and society», «Discourse and communication», «Discourse studies», «Critique of anthropology», а также отечественные группы – «Лаборатория аксиологической лингвистики», Российская коммуникативная ассоциация, рязанская социолингвистическая школа и др.), подобные исследования крайне редки в современной науке и зачастую демонстрируют достижения узкой сферы академических исследований (например, когнитивной лингвистики или социальной психологии), в то время как исследуемый предмет полагается в русле междисциплинарных исследований.

В-третьих, актуально изучение коммуникативных эффектов дискурсов в общественных институтах: распространенным является непонимание людьми языка, текстов, контекстов медицинского, юридического, политического и прочих дискурсов, интенций их участников, что представляет собой парадоксальную ситуацию, поскольку, казалось бы, понимание сообщения и адекватной реакции на него полагается в качестве одной из главных задач этих дискурсов.

Предварим дальнейшие рассуждения терминологическими пояснениями. Под *институтом* мы понимаем «совокупность устойчивых формальных и неформальных норм и правил, регулирующих определенный круг общественных отношений» [Социологическая энциклопедия, 2003. С. 370]. *Культура* представляет собой систему идей, ценностей, образцов поведения и моделей деятельности, определяющих функционирование и развитие общественных связей и отношений. В таком измерении институциональная культура может трактоваться как определенный порядок производства, хранения, воспроизводства и трансформации норм и правил, фиксирующих институт, и может быть противопоставлена личностной, а также бытовой (повседневной) культурам, основанной не на легитимных, но на ценностных или «габитусных» моделях поведения.

В нашем понимании *дискурс* – это произведенная в определенных исторических и социальных рамках, особым образом организованная и тематически сфокусированная система знаковых форм, рецепция которых способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю реп-

резентацию мира, убеждения и поведение. Мы акцентируем внимание на динамической и нормативной сторонах дискурса: последний представляет собой не столько результат человеческой деятельности, сколько саму деятельность; не столько структуру высказываний и прочих знаковых форм, сколько предписания к их структурированию в определенных условиях.

В соответствии с выше приведенным определением дискурса, *институциональный дискурс* мы будем понимать как дискурс, осуществляемый в социальных институтах, «общение в которых является составной частью их организации» [Шейгал, 2004. С. 42]. Общение является значимым процессом для всех сфер общественной жизни, однако в данном случае речь идет не о передаче информации как основной функции общения, но об институционализации и легитимации социальных отношений. Иными словами, дискурс выступает не столько в качестве инструмента отражения, выражения, означивания, сколько в качестве «режима работы», или способа бытия института. В этом качестве наиболее значимыми институциональными дискурсами, на наш взгляд, являются *политический, религиозный, медицинский, юридический, педагогический*. В рамках этих дискурсов семиотическая деятельность может быть рассмотрена как элемент их структуры (например, лекции в педагогическом дискурсе) или как инструмент выражения основных идей, принципов и ценностей (например, законы в юридическом дискурсе). Однако в институциональных дискурсах все большую значимость приобретает конструктивистский аспект семиозиса, который выражает конструирование и реконструирование социокультурной реальности.

При анализе институциональных дискурсных формаций и практик важнейшими задачами являются: исследование форм презентации субъектов института, выявление дискурсных способов социальной дифференциации, изучение процессов означивания и легитимации значения тех или иных общественных отношений – иными словами, анализ процесса конструирования и реконструирования института. Этот процесс мы понимаем как исключительно дискурсный, т. е. такой, в котором эффектом коммуникативного акта являются поддержание, производ-

ство и воспроизводство определенных социальных смыслов и действий.

Очевидно, что институциональные дискурсы не существуют в некотором «замкнутом пространстве»; конструирование социальных смыслов предполагает кооперацию дискурсов, при которой, например, политический и юридический дискурсы решали бы единую задачу легитимации социальных отношений. Ни сами дискурсы, ни их взаимодействие не могут быть рассмотрены исключительно в одной плоскости (например, «адресат – адресант» или «текст – контекст»). Дискурс имеет сложную природу, предполагающую наличие ряда параметров; анализ совместимости, взаимодополнительности и границ дискурсов неизбежно имеет дело с многоаспектной природой взаимодействующих дискурсов.

Прежде чем рассмотреть параметры дискурсной матрицы институциональной культуры, обратим внимание на основные характеристики дискурса как социальной категории.

Эскалация термина «дискурс», «дискурсивный поворот» современных наук об обществе и человеке, актуализация семиотического измерения объекта обществоведческого знания, пристальное внимание к генеративному и конструктивному потенциалу языка – таковы основные черты современных научных парадигм. Не вдаваясь в их детали и особенности их внутреннего напряжения, укажем на то, что выделение дискурса как предмета изучения культуры во многом стало возможно не только благодаря «парадигмальным трансформациям» научного знания, но и вследствие изменений общественно-исторического контекста.

Появление дискурса как категории институциональной (а не коллективной) связывают в целом с развитием общества модерна. Безусловно, это не является единственным условием необходимости дискурса, однако мы сравним статус языка в модерне с его статусом в архаических обществах – совершив такой аналитический ход, мы надеемся обозначить существенные характеристики дискурса.

Архаическое общество было чуждо радикальному противопоставлению языка коллективным практикам: любое действие носило коллективный характер и имело «имя», выступавшее в качестве репрезентанта дейс-

твия, – *сказать* в архаической культуре означает *сделать*. Коллективное говорение («мелос») есть практика заклинания, сакрализации действительности через коллективное артикулирующее тело. Миф как «порядок слов» структурирует коллективное пространство, систему отношений в нем, а также формирует область повседневного (структуры родства, архаические структуры «обменной» экономики), что убедительно описали К. Леви-Стросс, М. Мосс и Б. Малиновский. Дискурс как категория рационального и объектно-ориентированного действия невозможна в архаической культуре в силу того, что рационализация в ней приобретает форму «авторационализации» (рационализировать – значит совершить поступок в том же временном отрезке, но не совершить некоторое ретроспективное или прогностическое действие по отношению к поступку), а объект не отделим от действия.

В современных обществах дискурс необходим в силу распада коллективных форм сакрального действия, в силу индивидуализации общественной жизни, фрагментации и специализации социального поля (появление относительно автономных «общественных сфер»), и, в особенности, институционализации общественных отношений. Институт, становясь, с одной стороны, абстрактным феноменом, «обобщающим» конкретные действия и поступки, и, с другой – представительским образованием (в котором некто уполномочен говорить от лица группы), вырабатывает особые культурно-символические формы продуцирования, закрепления, трансляции знания – то, что впоследствии закрепилось термином «дискурс». В до-модерновых же обществах относительно изолированные речевые акты, во-первых, не объединялись в устойчивые знаковые последовательности, дистанцированные от конкретных ситуаций; во-вторых, не имели внутренней и внешней иерархии (право голоса определялось не положением в общей социальной структуре, а повседневная речь не предполагала членения на «высокие» и «низкие» жанры).

То, что существенным образом отличает статус языка в модерне от такового в архаике – это то, что обозначено Соссюром, как разрыв между обозначающим и обозначаемым: у дискурсивных знаков эпохи модерна могут быть реальные референты, а могут

быть несуществующие, «частично истинные», правдоподобные или же конструируемые самими знаками. В архаике референт всегда неотделим от знака, даже если он (референт) нереален. Дискурс же – это система знаковых форм, имеющих отношение к взаимодействиям между людьми, что выражается в нормализации, опровержении, установлении, предотвращении и т. д. Подчеркнем: дискурс *имеет отношение* к взаимодействиям, но не обязательно является таковыми.

Если в архаической культуре слово *являет собой* саму символическую ценность, слово является вещью, циркулирующей в замкнутом социальном пространстве, то в культуре модерна слово *указывает* на ценность и *проблематизирует* вещь, порождая бесконечный ряд интерпретаций. В этом выражается парадоксальная природа дискурса – будучи призванным «скрепить» и зафиксировать институт, он размывает его границы в силу продуцируемой им множественности толкований, имеющих как семантический, так и прагматический аспекты. Безусловно, современные дискурсивные формации располагают определенным арсеналом техник сокращения спектра интерпретаций (например, оптимизация коммуникативного пространства дискурса). Однако наличие этих техник не снимает саму проблему неузнавания прагматики дискурсивного действия: возможность не понять или понять по-разному всегда остается независимо от типа дискурса. В крайних случаях эта возможность выступает в качестве условия коммуникативной манипуляции сознанием.

Итак, дискурс задается как предмет научного исследования. Основная задача научной теории дискурса – построение унитарной (единой) матрицы (модели) дискурсивной деятельности, представляющей собой систему коррелятивных параметров этой деятельности. Ясно, что такая модель должна быть многоаспектной, многопараметральной и междисциплинарной, поскольку дискурс – это многослойный, многоуровневый и многофакторный феномен – языковой, речевой, психический, когнитивный, социальный.

Известные модели дискурса, например когнитивные модели ван Дейка [Dijk, 1997] и О. Йокояма [Йокояма, 2005], презентационная модель В. Карасика [Карасик, 2004] и А. Олянича [Олянич, 2004], политическая модель Э. Лаклау [Laclau, 1996], критичес-

кая модель Н. Фэрклоу [Fairclough, 1992] и другие концентрируются либо на определенном аспекте дискурса, либо на конкретной области его функционирования. Бесспорно, такое моделирование имеет крайне важное исследовательское значение: анализ тех или иных «дискурсивных пульсаций» позволяет в итоге создать общую картину дискурса и его функционирования в культуре. К сожалению, генерализованное видение дискурса современные социально-гуманитарные науки еще не выработали. Более того, спецификация теорий и моделей дискурса довольно часто препятствует построению «общей картины» дискурса.

Далее предложим открытую, полипараметральную, унитарную модель дискурса. К основным *параметрам* дискурса мы относим следующие.

Телеологический параметр. Цели дискурса включают в себя: описание (построение дискурса относительно реального (истинного) положения вещей); интерпретация (построение дискурса относительно понимания положения вещей); праксис (построение дискурса относительно технологии изменения положения вещей); диагностика (построение дискурса относительно существенных качеств положения вещей); нормирование (построение дискурса относительно идеального или желаемого положения вещей); прогноз (построение дискурса относительно прогнозируемого положения вещей). Очевидно, что каждый дискурс обладает некоторым набором целей, некоторые из которых являются образующими, основными, что может характеризовать его специфику. Так, например, политика бесспорно преследует и описательные, и аргументативные цели, однако нормирование является приоритетом при построении соответствующего типа дискурса.

Онтологический параметр. Имеются в виду типы объектов, существование которых постулируется системой гносеологических абстракций дискурса, виды детерминации одних объектов другими, способы существования этих объектов. Среди предметных областей дискурса мы выделяем: область природных объектов, лишенных интенциональности; область психических феноменов (образы, фантазии, представления, интенции и т. д.); область вымышленных (виртуальных) объектов (числа, значения и т. д.);

область социальных явлений (социальных фактов, социальных процессов и т. д.). Так же, как и в предыдущем случае, каждый дискурс оперирует предметами различной природы, т. е. относящимися к различным типам реальности. В таком аспекте мы отмечаем возможное смешение предметных областей дискурса: так, например, дискурс СМИ помещает объект одновременно в область психических и социальных явлений.

Языковой параметр включает в себя: речевые акты (десигнаторы, прескрипторы, коммиссивы, экспрессивы, апрейзоры); языковые средства (экспрессивные и понятийные). Связь между тем или иным типом речевого акта и целью дискурса не всегда очевидна, а в некоторых случаях отсутствует: так, например, некоторые «мягкие» пропагандистские дискурсы (реклама) часто используют не коммиссивы, как можно было бы ожидать, а десигнаторы и апрейзоры.

Когнитивный параметр. К нему мы относим формы и методы реализации дискурсом познавательных целей – описание и объяснение фактов, формирование и обоснование гипотез, прогнозирование, а также логические средства дискурса. Несложно усмотреть различия в способах обоснования, характерных для юридического дискурса, с одной стороны, и религиозного – с другой; в моделях объяснения фактов в медицинском и педагогическом дискурсах; в логических принципах дискурса классической и интуиционистской математики, и т. п.

Контекстный параметр (типы контекста): экзистенциальный мир лично-значимых для коммуникантов объектов, состояний и событий, к которому относится то или иное высказывание дискурса; грамматический мир дискурса, характеризующийся формальными и смысловыми связями между высказываниями; ситуационный мир деятельности, общения, статусно-ролевых отношений; психический мир ментальных и когнитивных явлений, ответственных за программу дискурсивной практики.

Текстовой параметр подразумевает, что в дискурсе воспроизводятся следующие типы текста: нарративы (текстовые единства, основанные на последовательности изложения, структура которого становится определяющей в отношении смысла текста), тезисные тексты (в которых смысл достигается и подерживается за счет ценности каждого от-

дельного высказывания), референциальные тексты (воспроизводящие смысл, поддерживаемый другими текстами), «панорамные» тексты (локализующие смысл на генерализованной дескрипции действительности).

Коммуникативный параметр учитывает: статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников общения; условия общения (среда, фоновые знания, прецеденты коммуникации); стратегии общения (мотивы, цели, контроль общения); способы общения (канал, режим, стиль и жанр общения).

Изучение этих параметров позволяет ответить на вопрос о том, что (какие параметры и их значения) специфицирует институциональный дискурс. Так, например, принципиально важной исследовательской задачей является определить характерные черты научного дискурса в его сопоставлении с дискурсом политическим, что крайне важно в контексте различения науки и идеологии; или же квалифицировать тот или иной текст как медицинский или юридический в контексте оперирования медицинской экспертизой в юридической практике.

Нам представляется необходимым выделить как минимум два способа решения проблемы спецификации дискурсов. Первым способом является квантитативный поиск коррелятов между индикаторами параметров дискурса. Например, «комбинация» нормирующей цели, социальной предметной области, экспрессивных языковых средств, эмпирической аргументации, ситуационный и психический контексты, тезисные тексты и формализованные статусно-ролевые коммуникативные характеристики участников общения позволяют идентифицировать тип дискурса, характерный для политической культуры. Исследовательской задачей являются диагностика параметров дискурса и корреляционный анализ их значений. В качестве значений параметров (и субпараметров) будут фигурировать их наличие либо отсутствие и их частотная характеристика в анализируемых текстах.

Однако подобный процесс квантификации коррелятов дискурса сопряжен с рядом методологических трудностей, главные из которых – обнаружение факторных коррелятов (т. е. тех параметров, изменение которых неизбежно приводит к изменению состояния всего дискурса), изучение «границ» данно-

го дискурса, проблема совместимости шкал измерения различных параметров дискурса. В связи с указанными трудностями обратим внимание на другой способ идентификации типа дискурса – качественный анализ «векторной» направленности дискурса.

Исходя из того, что границы дискурсов эмпирически не фиксируемы, явно не маркированы и размыты, можно предположить, что дискурсы существуют не в форме соприкасающихся плоскостей, но в динамичной форме векторов, направление каждого из которых задано некоторой *проблемой*. Иными словами, дискурс возникает из некоторого рассогласования, разграничения, несоответствия, вопроса, возникшего в ходе познания. «Векторность» дискурса предполагает наличие в институциональной культуре некоторого поля рассеивания возможных ответов на ключевые вопросы и постановки новых вопросов. Для каждого типа дискурса характерны своя практика различения и своя стратегия проблематизации. Собственно, сама специфика дискурса задается в первую очередь характером и природой этого первичного рассогласования, различения, культурной практикой противопоставления объектов и их типов. Так, например, базисными рассогласованиями в политическом дискурсе будет противопоставление «своих» и «чужих», «власти» и «народа», «идеи» и «реальности», в то время как в медицинском – «норма» и «патология», «тело» и «дух», «вред» и «польза». Фундаментальной проблемой юридического дискурса является регулирование правовых отношений между субъектами социума, проблемой педагогического дискурса – социализация личности, проблемой медицинского дискурса – профилактика и лечение отклонений (патологий) в функционировании организма и т. д.

В соответствии с тем, что является *ключевой проблемой дискурса, как в нем осуществляется проблематизация и как распределяются в дискурсивном поле культуры возможные ответы на главные вопросы*, все вышеперечисленные параметры дискурса начинают функционировать в определенном «режиме»: например, проблема профилактики патологий организма в медицинском дискурсе предопределяет такие значения параметров, как использование понятийных языковых средств, специальных условий общения, создания статусно-роле-

вого или экзистенциального контекста и т. д. Таким образом, исследователь осуществляет глубинный анализ дискурса с целью поиска проблемы как интегрирующего дискурсного фактора, обнаружения способов проблематизации и спецификации параметров дискурса в соответствии с определенной проблемой.

На наш взгляд, сочетание первого и второго способов поиска специфичных черт дискурсов различного типа не только возможно, но и желательно. Так, применение этой модели к изучению тех или иных дискурсов предполагает следующее содержание исследовательского процесса:

– количественный формально-статистический анализ дискурса (поиск регулятивов, т. е. повторяющихся, воспроизводящихся значений и смыслов, зафиксированных с помощью тех или иных базовых для анализируемого дискурса параметральных категорий);

– качественный анализ «направленности» («векторности») дискурса (поиск уникальной проблемы, на решение которой нацелен дискурс, и диагностика дискурсных механизмов ее решения).

Итак, предложенная дескриптивно-квантитативная матрица может быть использована для спецификации дискурсов и, соответственно, институциональных культур. Реализация этого проекта позволяет также осуществлять диагностику институциональных дискурсов, совершенствовать методику дискурсивных практик, повысить их коммуникативную и познавательную эффективность,

социальную значимость, разработать техники кооперации различных институциональных культур на основе дискурсивного взаимодействия.

Список литературы

Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.

Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Олянич А. В. Презентационная модель дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 555 с.

Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2003. Т. 1. 694 с.

Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Dijk T. van. Discourse as Social Interaction: a Multidisciplinary Introduction. L.: Sage, 1997.

Dijk T. van. Discourse and communication: a new journal to bridge two fields // Discourse and communication. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 5–7.

Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual analysis within discourse analysis // Discourse and society. 1992. No. 3. P. 192–217.

Laclau E. The Death and Resurrection of the Theory of Ideology // Journal of Political Ideologies. 1996. Vol. 3. No. 1. P. 201–220.

Материал поступил в редколлегию 22.08.2007